

Подписка на журналы проводится
по каталогу агентства «Урал-пресс»,
подписные индексы:

альманах «Лазурь» — **71984, 79381**,
журнал «Свирель» — **73135, 71660**,
журнал «Свирелька» — **72148, 48549**,
льготная подписка на три издания —
47549, 48546

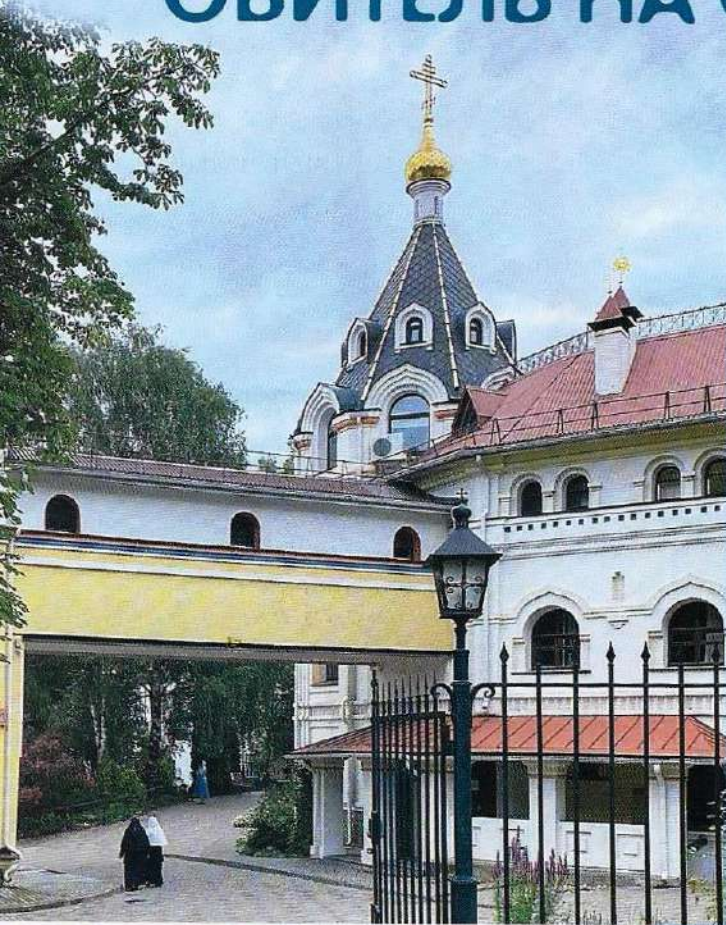
и по каталогу «Почта России»,
подписные индексы:

альманах «Лазурь» — **ПМ 184**,
журнал «Свирель» — **ПМ 175**,
журнал «Свирелька» — **ПМ 181**,
льготная подписка на три издания — **ПМ 185**.

Вера Селезнева

ОБИТЕЛЬ НА ОКРАИНЕ МИНСКА

ЧУДО НАШИХ ДНЕЙ

Собираясь посетить столицу Белоруссии, мы были уверены, что там много действующих монастырей. Тех, в которых после безбожных советских лет возродилась монашеская жизнь. А может и тех, где она не прерывалась. Но оказалось, что монастырь в этом большом городе всего один — Свято-Елисаветинский. И тот — новый. Тем удивительнее для нас было прикоснуться к этому современному чуду. Тем очевиднее стала простая мысль: не только в древние времена было место святости.

... Мы бродим по живописной, утопающей в цветах женской обители и слушаем рассказ своего экскурсовода — матушки Феодосии. Она говорит с ласковым белорусским акцентом. Так когда-то говорил мой дедушка, уроженец здешних мест, подростком бежавший из родного дома от ужасов коллективизации, когда раскулачили и сослали его отца... Дедушка стал героем Великой Отечественной войны и прожил основную часть жизни в Москве, но всегда говорил с легким белорусским акцентом. И вот я снова слышу знакомый говор из уст монахини. Эта речь вкупе с удивительными рассказанными нам историями трогают меня до слез.

ЗЕМЛЯ МУЧЕНИКОВ

Итак, в середине 90-х годов XX века на границе Минска буквально с нуля начал строиться православный женский монастырь. А впрочем, не совсем с нуля. Здесь было место с трагической историей. В 1918 году, то есть вскоре после революции и Первой мировой войны, сюда, в заброшенные постройки старого хутора, перевели часть пациентов военного госпиталя. Не обычных пациентов, а страдающих психическими расстройствами.

Так возникла советская трудовая колония душевнобольных «Новинки» (названная так, как и сам хутор). Как такового психиатрического лечения в то время люди не получали, но были под присмотром, имели кров и пищу, а в качестве терапии занимались различным полезным трудом: помогали персоналу на огороде, на ферме, чинили обувь, плотничали, участвовали в строительстве новых корпусов. Число пациентов постепенно выросло с 40 до 300 человек.

Все в одночасье изменила Великая Отечественная война. Минск, как и вся Белоруссия, был захвачен немцами. Как мы знаем, фашисты вообще не церемонились с местным населением, а хоть сколько-то неполноценные люди вызывали у оккупантов особую жестокость. Сначала на «сумасшедших» из трудовой колонии гитлеровцы испытывали различные виды оружия и отравляющих веществ. А потом больных и вовсе уничтожили за ненужностью, а с ними — и детей из детских домов. Чудовищный эпизод чудовищной войны. Под предлогом мытья в бане людей загоняли в передвижные газовые камеры и пускали из шланга смертоносный газ. Врачей немцы хотели отпустить, но никто не ушел, не оставив своих пациентов до последней минуты.

ПРОШЛИ ГОДЫ...

В послевоенное время в поселке Новинки близ Минска вновь открылась психиатрическая больница, которая за вторую половину прошлого века стала крупным научно-практическим центром.

Менялась эпоха. Прошли безбожные времена, и люди снова стали ходить в церковь. На рубеже веков в Свято-Петропавловском соборе Минска служил священник отец Андрей Лемешенок. Одна из его духовных дочерей по собственному желанию оставила филологический факультет Белорусского государственного университета и, чтобы служить людям, устроилась простой санитаркой в психиатрическую больницу. Она-то и попросила батюшку приехать и причастить несчастных пациентов. В советское время это было бы немыслимым, но, повторюсь, многое изменилось... Другая прихожанка — врач клинической больницы — обратилась с просьбой посетить тяжелобольных ее отделения. Визиты священника в эти лечебные заведения произвели неизгладимое впечатление как на пациентов, так и на него самого. Живой отклик в сердцах несчастных, никому не нужных людей нашло доброе слово батюшки и прикосновение к святыне. А батюшка был настолько потрясен безнадежной обстановкой в больницах, особенно в психиатрической, что понял — этих людей нельзя оставлять без попечения.

Такие поездки стали частыми. В больничных отделениях служили молебны, исповедовали и причащали людей, кропили помещения святой водой. Свет и радость наполняли стены, где по большей части царил уныние. Больных посещал не только отец Андрей и его, так сказать, «коллеги» — другие батюшки, но и активные, неравнодушные прихожанки. Настоящие сестры милосердия. Им сшили белые сестринские облачения. Минский митрополит Филарет (Вахромеев) благословил зарегистрировать православное сестричество. Поначалу некоторые из сестер даже ночевали в больничном подвале, потому что добираться до окраины Минска им было нелегко. И тогда назрел вопрос о каком-то хотя бы общежитии, где можно было бы остановиться православным волонтерам.

ТВОРИТЬ ДОБРО

Если вы, дорогие читатели, обратили внимание, в начале статьи упоминается название женской обители — Свято-Елисаветинская. А кто такая святая Елисавета и почему именно в честь нее был назван монастырь? Чтобы ответить на этот вопрос, мы снова вернемся назад на несколько страниц истории.

Родной дядя нашего последнего императора Николая II, великий князь Сергей Александрович Романов, генерал-губернатор Москвы, был женат на немке — принцессе Гессен-Дармштатской. Она приняла православие и стала в России великой княгиней Елизаветой Федоровной. Глубоко верующая, красивая, серьезная — для нее не было более важного дела, чем помощь нуждающимся людям: детям бедных матерей, раненым солдатам... Тем временем в империи набирали популярность революционные настроения, самым решительным воплощением которых стали боевые террористические организации. Их целью было убийство высокопоставленных политиков и членов императорской фамилии ради «блага народа». В конце XIX — начале XX века от их рук пострадали более ста человек, включая императора Александра II, сенатора В. К. Плеве и премьер-министра П. А. Столыпина.

А 4 февраля 1905 года террорист Иван Каляев метнул ручную бомбу в московского генерал-губернатора. Сергей Александрович погиб на месте, его карету разнесло на части, а кучер был смертельно ранен. Так оборвалось семейное счастье Елизаветы Федоровны...

Всю оставшуюся жизнь — вплоть до жестокой расправы большевиков уже над ней самой в 1918 году — великая княгиня посвятила заботе об обездоленных. Она

выкупила на личные средства усадьбу в центре Москвы и основала там Марфо-Мариинскую обитель милосердия с собственной больницей, амбулаторией (поликлиникой), аптекой, приютом для детей, воскресной школой, библиотекой и мастерскими. А кто же такие Марфа и Мария? Эти сестры, а также их брат Лазарь были друзьями и сподвижниками самого Христа. Названная в их честь обитель не являлась монастырем в строгом смысле этого слова. По замыслу Елизаветы Федоровны женщины, приходившие туда, не принимали полного монашеского обета и имели право по истечении определенного срока оставить свою деятельность и выйти замуж. Великая княгиня хотела, чтобы такого рода служительницы именовались «диакониссами» (по традиции первых веков христианства), но официально этот чин не был утвержден. Сестры обители занимались благотворительной и медицинской деятельностью, ухаживали за больными, воспитывали сирот, опекали бедные семьи. Елизавета Федоровна сама ходила по «зачным» местам Москвы, по трущобам, вызволяя оттуда малолетних детей... За свою деятельность и последующую трагическую кончину от рук безбожников-большевиков она была причислена Православной Церковью к лику святых и вошла в историю христианства как святая преподобномученица Елисавета.

НОВАЯ ОБИТЕЛЬ МИЛОСЕРДИЯ

Теперь, думаю, нашим читателям будет понятна параллель между современным монастырем в Минске и обителью, что была создана в Москве в начале XX века. Понятным становится и то, почему новое сестричество и монастырь решено было назвать в честь великой княгини Елизаветы (или, по-церковному, Елисаветы), посвятившей свою жизнь делам милосердия.

Как же возник монастырь? Мы остановились на том, что у сестер милосердия возникла необходимость хотя бы ночевать где-то неподалеку от больницы, поскольку их деятельность требовала много времени и сил. И, конечно, нужна была церковь, поскольку богослужения проходили в маленьких, плохо приспособленных для этого помещениях медучреждений, которые уже не могли вместить всех желающих.

Матушка Феодосия ведет нас от храма к храму, мы прикладываемся к святыням, беседуем.

— Меня часто спрашивают, кто у нас спонсор и откуда все это, — монахиня обводит рукой сияющее

великолепие монастыря. — А я на это отвечаю, что, к сожалению, сейчас не те времена, когда на пожертвования одного богатого помещика можно было построить церковь.

Свято-Елисаветинская обитель создавалась по крупницам, прежде всего, трудом самих монахинь. Наша сопровождающая приводит в качестве примера свою соседку по келье, выпускницу Минского лингвистического университета, в совершенстве говорящую по-французски. Рассказывает о ее миссионерских поездках за рубеж к людям, интересующимся православием.

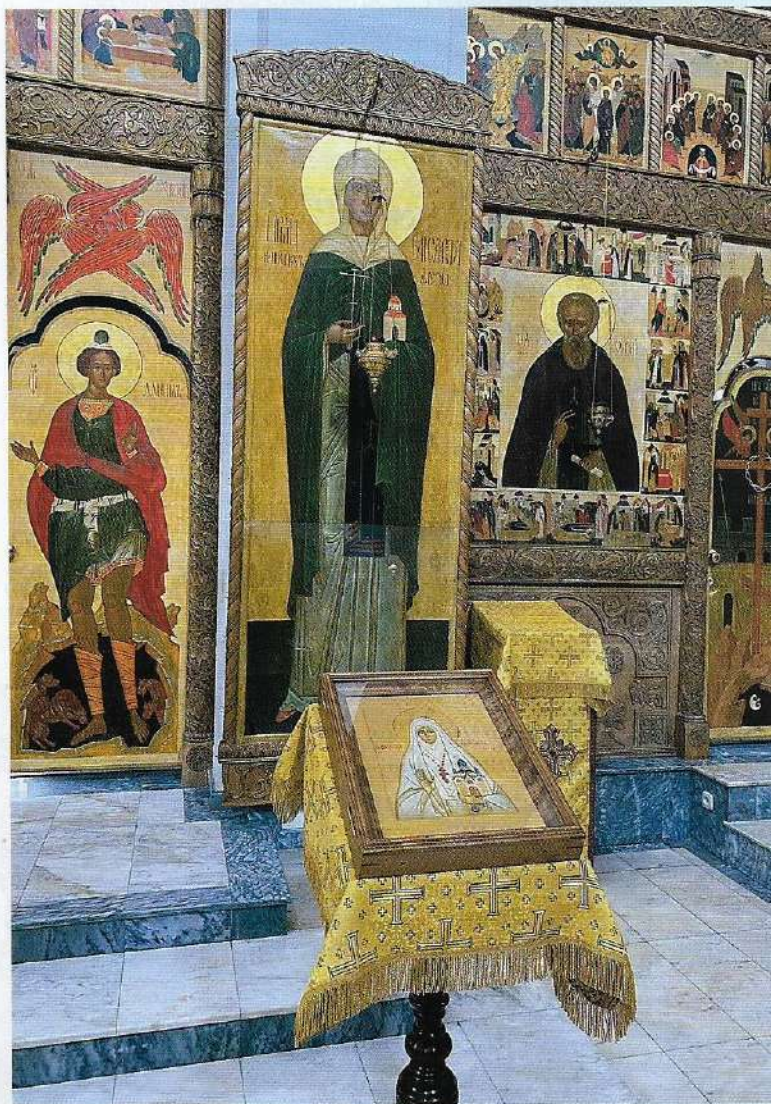
Сама матушка Феодосия по профессии горный инженер, училась в советское время в Ленинграде. А перед уходом в монастырь работала в издательстве Российской академии наук. Почему я пишу об этом? К счастью, наши молодые читатели не застали времен оголтелой борьбы с религией, когда верующих людей пропаганда выставляла как «темных» и необразованных. А я немного застала. И каждый раз, когда встречаю в лоне Церкви умных, культурных, компетентных людей (коих там очень много), мне хочется их примером опровергнуть старую ложь...

Но вернемся к истории, теперь уже недавней. Поначалу возник не монастырь, а «белое сестричество» — что-то типа тех самых диаконисс, традицию которых хотела возродить великая княгиня Елизавета. Сестры ходили в белых косынках и белых передниках. Почти все они работали или учились в минских вузах. А по выходным стояли с коробочками для пожертвований на улицах

города и собирали деньги на строительство в Новинках первого храма — в честь Николая Чудотворца. Шел 1996 год. Начало было положено.

С разрешения медперсонала на службы стали приводить пациентов. Это для нас они сумасшедшие и порой отверженные, а к Богу тянется любая душа. И еще вопрос, чья больше. Вскоре сестры взяли опеку над домом-интернатом для детей с особенностями развития. Основали воскресную школу и первые мастерские — столярную и иконописную. Сейчас в монастыре уже более 20 мастерских.

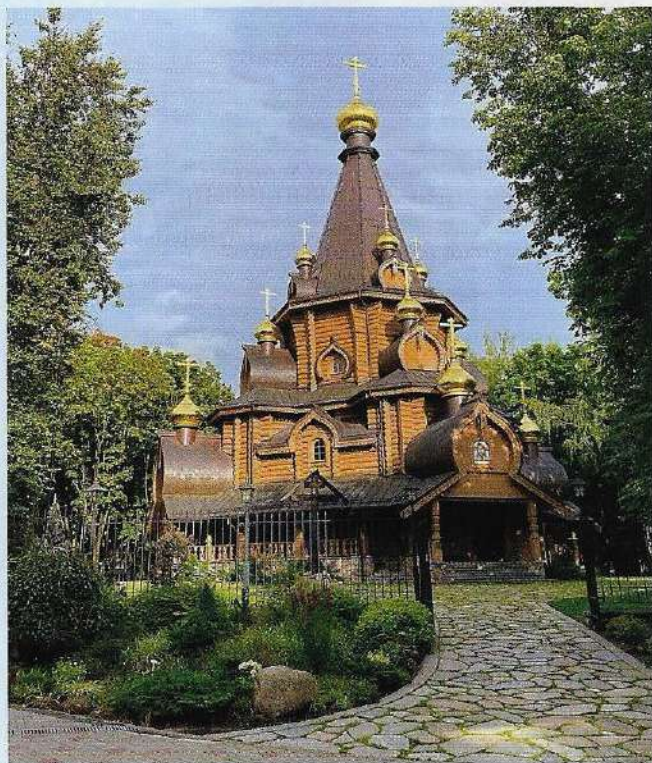
— В наших мастерских, — рассказывает матушка Феодосия, — трудится немало душевнобольных. Когда они выходят из психиатрической больницы, на работу их нигде не берут. А ведь им надо как-то жить. И они приходят к нам. Мы стараемся помочь каждому. И какие таланты у людей открываются! Иконописцы, мастера...

Сама матушка была поначалу «белой сестрой», прихожанкой отца Андрея, и стояла практически у истоков обители. Жили сестры милосердия кто у себя в кварти-

рах, а кто в маленьком деревянном домике на территории строящегося монастыря, спали прямо на полу, в тесноте, но их отличал большой душевный подъем.

ШАГ ЗА ШАГОМ

В 1998 году тогдашняя старшая сестра сестричества милосердия Елена Сысун приняла монашеский постриг, и еще несколько сестер стали также готовиться к монашеству. К 22 августа 1999 года уже трое приняли иноческий постриг, а семеро получили благословение владыки Филарета стать послушницами. Этот день и стал днем рождения Свято-Елисаветинского монастыря. И по сей день на территории обители можно встретить женщин и совсем юных девушек как в белых, так и в черных платочках.

Мир здесь особый несмотря на тесное соседство с большим городом. Монастырь разросся. Храмов уже несколько. Мы заходим в один из них. Идет служба. Батюшке подпевает на хорах красивым, нежным голосом всего одна монахиня. Дети шепчут мне: смотри, какая молодая! И в самом деле, ей лет восемнадцать. От ее пения сердце наполняется светлой радостью...

Матушка Феодосия ведет нас в открытый совсем недавно, в 2019 году, храм. А выглядит он как старинный, так как деревянный и построен «без единого гвоздя». Это церковь во имя святителя Иоанна Шанхайского

и Сан-Францисского. Здесь наша собеседница чаще всего и дежурит, то есть присматривает за порядком, за свечами, отвечает на вопросы людей. Я тоже задаю ей вопрос, наверное несколько неожиданный:

— Во сколько Вы встаете?

— В пять утра. В 5.45 уже начинается служба.

Мы ставим свечи к большой иконе святителя Иоанна. Это дар монастырю... От кого бы вы думали? От православных китайцев.

Еще одна святыня этого храма — редкая икона Богородицы «Целительница». К ней на глазах у матушки не раз припадали в слезах отчаявшиеся люди, молили за своих близких. И чудо наступало.

...Нам не хочется уходить, не хочется расставаться с нашим добрым гидом и с этим удивительным миром. Но время экскурсии не бесконечно. Мы прощаемся и остаемся немного походить здесь одни.

В ГОРОДЕ, НО БЕЗ ГОРОДСКОЙ СУЕТЫ

Сегодня территория Свято-Елисаветинского монастыря не ограничивается его стенами. За их пределами находятся храм, гостиница для паломников, православная школа, молодежный центр «Ковчег», кафе-трапезная... Все это чередуется с городскими многоэтажками. С балконов выглядывают местные жители, сушится белье. Я ловлю себя на мысли, что немного завидую этим людям, живущим в тесной близости с монастырем. Казалось бы — разве у нас в Москве мало святых мест? А все равно почему-то завидую...

Фото автора